

Артур Корзенц

(дипломированный экономист Клаус-Дитер Людвиг)

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Из сборника «Мужество ради идентичности»

Альтернативы принципу равенства / под редакцией Пьера Кребса.

ISBN 3-922314-79-1

© Пьер Кребс, 1988 год

От редактора:

Мы переживаем политический перелом: старый спор между, «правыми» и «левыми» в сфере социальных вопросов утрачивает свою силу. Официальные правые и левые все больше начинают заключать друг друга в идеологические объятия, за которыми тут же следуют политические: они обнаружили общность в том, что касается дальнейшего существования так называемой западной цивилизации, а именно, прежде всего, в тех областях этой цивилизации, которые можно оценить лишь негативно: в областях ее властно-структурных, эгалитаристских, экономических и универсалистских «ценностей».

Эта книга хочет сделать что-то против этого. Отдельные статьи в ней указывают на то, что развивается новая разграничительная линия, на сей раз – между приверженцами космополитизма и сторонниками этнокультурной идентичности. В наше время отчужденности от культурного творчества и традиции народа стало необходимым описать корни идентичности, духовного самосохранения и саморазвития отдельного человека, а также различных жизненных и культурных общностей, сделав из этого в дальнейшем основу аргументации для обоснованного противостояния духу недееспособности, разложения и разрушения.

Новые дискуссии о проблематике иммиграции и многорасового, мультикультурного и смешано-культурного общества, об утрате культурного наследия и традиции народа, а также о техническом прогрессе всегда, что характерно, ставят решающий вопрос об идентичности. Также и угрозы военного и экономического характера находятся в центре дискуссий об идентичности. В борьбе против универсальной смешанной культуры следует объединить национальные европейские идентичности, рассматривая их как дополняющие друг друга, и не противопоставляя их между собой. Необходимо дополнить национальную идентичность на более высоком уровне (Европа) и укоренить ее на уровне более низком (регионы). *Мужество ради идентичности* защищает модель гетерогенного мира гомогенных народов, а не наоборот!

Об авторе:

*Артур Корзенец, экономист,
бывший директор банка и
консультант предпринимателей,
один из экономических идеологов
«Новых правых»*

Эта статья рассматривает вопросы экономической децентрализации, и нужно сразу признать, что она, на первый взгляд, вписывается в популярную тенденцию. Повсюду раздается призыв к созданию маленьких, обозримых единиц, к большей демократии; небольшие страны – причем небольшой размер по ошибке, как правило, приравнивается к слабости – наслаждаются большей симпатией, чем великие державы; заново открываются диалекты; пропагандируется соседство как первая ступень общества; регионалистские и автономистские движения с самого начала с уверенностью вызывают к себе большое внимание, даже если за ними в реальности стоят только немногочисленные люди. Все это движение очень гетерогенно; как всегда, когда

возникает новое, правильное смешивается с ошибочным, уверенное с предполагаемым.

В Федеративной Республике Германии это буквально безгранично широкое движение против старых форм в поисках новых порядков с точки зрения партийной политики демонстрируется в первую очередь «Зелеными», пусть даже их руководство больше, чем нужно для дела, показывают свою родственную связь с определенными идеологиями девятнадцатого столетия.

Но как раз в выступлениях руководителей этой партии становится видно, что децентрализация децентрализации рознь. Хотя у функционеров «Зеленых» вызывает радость и большую доброжелательность любое стремление к меньшим единицам в экономической, культурной или государственной области. Однако, это едва ли обосновывается рационально. Там не отмечают, что маленькие, вполне разделенные экономические единицы менее нестабильны, чем большие промышленные моноструктуры; фактически не указывают на то, что человек по своей сущности может лучше управлять обозримыми пространствами, чем континентальными или, тем более, глобальными структурами; не подчеркивают, что большая автономия регионов – это лучший гарант сохранения и совершенствования разнообразных культур, которыми живет Европа и наличием которых и их взаимными отношениями она обязана, среди прочего, и своим превосходством перед другими континентами. Скорее для обоснования склонности к децентрализации используются преимущественно туманные понятия, из которых наиболее разоблачающий, без сомнения, «базовая демократия». Базовая демократия, это на самом деле здесь означает участие всех в разговоре обо всем, до тех пор, пока, как минимум, они не договорятся отсрочить все дело на более поздний срок. Естественно, нельзя требовать базовой демократии, не будучи убежденным в том, что люди равны по природе, что такие явления как руководство, элита, иерархия и т. д. – это только проявления дегенерации общественной жизни. За всей манией децентрализации высших функционеров «Зеленых» по существу кроется что-то вроде утопического анархизма.

С самого начала мы хотим подчеркнуть, что мы исходим из абсолютно противоположной точки зрения, а именно из естественного неравенства людей, причем не только неравенства индивидуумов, но также и в связи с нашей темой в частности – из неравенства народов и рас. Поэтому мы и не беремся разрабатывать рецепты для каких-нибудь экзотических местностей, но исходим из интересов и нужд только Европы.

Первой нашей темой является все больше переплетенная мировая экономика, в какую она относительно скоро развилась с конца прошлого столетия, только несущественно замедлив этот процесс из-за войн и экономических

кризисов. Как и все политические явления, мировая экономика в ее современной форме также немыслима без определенных идеологических предпосылок. Мы должны проверить, какие идеологические основы определяют экономическую и политическую жизнь в мире – причем мы ограничимся сначала западным миром.

Бесспорно, что Западом правят идеологии либерализма, что этот либерализм ссылается на Адама Смита и его предшественников как на своих родоначальников. Но настоящей сущностью, идеологической квинтэссенцией либерализма является не беспошлинная торговля, рыночная экономика, конкурентное мышление, представление о «гомо экономикус» и тому подобное, но центр и происхождение этой идеологии – это одновременно и представление о принципиальном и естественном равенстве всех людей. Только если равные люди стоят рядом и связываются друг с другом свободными договорами, частные интересы могут быть приведены в определенное гармоничное соотношение друг с другом.

Только если равенство является данностью, люди на рынке могут конкурировать с тем следствием, что потребности всех их оптимально удовлетворяются, и достигается самое большое счастье самого большого количества людей. Эта религия равенства – естественно, не следствие какого-либо заговора, но она соответствовала научному стандарту восемнадцатого века и необходимости возвышающейся тогда буржуазии в борьбе за свои права победить могущественное абсолютистское государство и его частично еще феодальные структуры.

Однако ситуацию в двадцатом веке нужно оценивать иначе. При конкуренции равных происходит уравнивание интересов и силовых позиций через рынок, так что никакая неконтролируемая рыночная власть возникнуть не может. Так как, тем не менее, в реальности равенство людей не было данностью, очень быстро при демонтаже старых защитных механизмов, таких как системы цехов, гильдий и т. д., возникли концентрации экономической власти. Этому развитию благоприятствовало появление нового фактора, а именно современной техники, которая дала людям возможность быстрее преодолевать большие пространства, быстрее передавать сообщения, быстрее управлять большими концентрациями людей и отправлять большие количества товаров. Так возникли различные экономические центры тяжести, в которых концентрировались рыночные силы, сначала в Европе, а затем очень скоро и в США. Различные всемирно-политические события, в первую очередь мировые войны, также позволили США подняться до господствующей силы западного мира с экономической точки зрения, так что Европа сегодня, в отличие от положения перед Первой мировой войной, находится в сильной зависимости от Соединенных Штатов.

Напрашивалось бы предположение, что в экономических центрах между тем сделали выводы из ошибок прошлого и отошли от мысли равенства. Тем не менее, действительность показывает, что этого не произошло. При этом процесс между тем достиг такого уровня, что начал развиваться уже по собственным законам. Многонациональные концерны во всех возможных отраслях пытаются, как государство США, создать себе все больше сфер влияния и укрепить там свое господство. Однако это возможно только в том случае, если эти зависимые области экономически тесно привязываются к Соединенным Штатам. Это, в свою очередь, легче всего достигается, если побеждает American Way of Life, «американский образ жизни», что значит тамошние привычки потребления, производства и социальной жизни. Эта вынужденная необходимость связывается с очевидно все еще широко распространенной верой в равенство, так что все ведущие экономисты без угрызений совести пытаются сделать любые африканские или южно-азиатские страны – не говоря уже об Европе – какой-то копией Соединенных Штатов. При этом народы, которых это касается, оказываются в этом отношении в опасном положении, если их правительства, как правило, не противодействуют этому развитию, так как они сами извлекают из этого пользу. Естественно, было бы ошибочно видеть всю беду только в Соединенных Штатах, так как другие экономические центры, как, например, Западная Европа, действуют не иначе, чем Соединенные Штаты, разумеется, в соответствии с их более ограниченными возможностями.

Наступление экономических центров власти на еще не подчиненные их сфере влияния области земли и мероприятия по укреплению этого влияния осуществляются разными путями.

Между тем деньги, первоначально полезное, облегчающее обмен товаров изобретение, в значительной степени превратились в оружие большого капитала.

Сегодня по всему миру валютные потоки, которые в самой важной степени отвечают за колебания валютного курса и вместе с тем за экономическую судьбу всех стран, в значительной мере движутся вне сферы влияния правительств. При всем том это представляется не только вопросом спекуляции, речь также идет о чем-то вроде уравнивающего хаоса.

Соединенные Штаты сумели на основе своего всемирно-политического положения с течением времени сделать свою валюту почти единственной резервной валютой западного мира. И это вопреки огромной задолженности американского государства, вопреки временному инфляционному развитию и высокой безработице, вопреки переживающей застой экономике. Это доминирующее положение доллара до сегодняшнего дня не подвергалось потрясе-

ниям ни с одной стороны. Никто также не волнуется из-за того, что курс доллара ни в коем случае не соответствует фактической покупательной способности американской валюты. Само собой разумеется, что страна, валюта которой стала самой важной валютой западного мира и всеобщим мериллом, вследствие этого может только усиливать свое и без того уже исключительное положение. К тому же при такой ведущей валюте непомерный обменный курс ведет к слишком рискованным рыночным искажениям и злоупотреблениям.

Существует несколько инструментов, с помощью которых можно держать под контролем должников и их экономики. Один из наиболее важных инструментов для этого – это Международный валютный фонд. В этот фонд участвующие страны первоначально вносили разные коэффициенты, а именно 25% в золоте и 75% в собственной валюте. Если одна из этих стран теперь нуждается в валюте, то фонд предоставляет ей ее из своих собственных запасов, а именно до 200% коэффициента. При этом первые 25%, естественно, беспроblemны, с растущими кредитами растут и обязательства для преодоления лежащих в основе получения кредита трудностей. Примечательно, что эти особые права на векселя с целью интервенции на валютном рынке только в другой стране должны обмениваться на валюту интервенции – американский доллар. Как легко можно было предвидеть, также и в рамках Международного валютного фонда развился сильный дисбаланс между высокоразвитыми индустриальными странами и другими государствами. Последние только при лояльном поведении с точки зрения МВФ могут рассчитывать на дальнейшую помощь из богатых стран. По всему прежнему опыту желаний или – в зависимости от степени задолженности – требования МВФ направлены, в первую очередь, на стабилизацию валюты, в то время как другие вопросы, например, социальное обеспечение или преобразования на рынке, соответственно, остаются на заднем плане. Инструмент и в то же время мотор для овладения миром – это действующие по всему миру многонациональные концерны. Об их принципе действия и опасности того, что здесь возникают структуры власти не в существующих государствах, а наряду с ними, уже было написано так много, что мы здесь можем воздержаться от деталей. Но еще раз нужно подчеркнуть, что такое государство как США все-таки экономически влияет на мир с помощью множества продуктов. Многонациональный концерн, прежде всего, если он готовится захватить существенную сферу жизни человека, исходя из определенной величины и пробивной силы, может определять важные типы поведения человека по всему миру, достаточно вспомнить о почти вошедшем в поговорку влиянии «кока-колы», еще больше, однако, о влиянии ресторанов фаст-фуда, как MacDonald's и других.

Многонациональные концерны в большинстве случаев упоминаются на первом месте, когда речь идет о феномене так называемого неокOLONиализма,

т.е. об экономическом подчинении стран со слабым развитием промышленности другими, более тонкими, но при этом более эффективными методами, чем они применялись старыми колониальными державами. Благодаря притоку иностранного капитала и «ноу-хау», как правило, через многонациональные концерны, в многочисленных развивающихся странах были созданы индустрии, которые в первую очередь ориентировались на экспорт и производство долговечных предметов потребления для более богатых клиентов за границей. При этом международный капитал старается овладеть в первую очередь динамичными отраслями, все равно, предназначены ли их продукты в первую очередь на экспорт или для внутреннего рынка. Местной промышленности остается лишь производство недолговечных товаров, а именно для слоев населения с незначительной покупательной способностью. Этот рынок мало расширяется; мы можем наблюдать увеличение в первую очередь в подчиненных международным концернам секторах рынка. Пока отечественная промышленность находится под угрозой инфляции и внутренних кризисов и может предлагать наименьший уровень зарплаты, международные концерны становятся устойчивее к кризисам, могут платить высокие зарплаты, переманивают к себе самых способных работников, и пропасть между богатством и бедностью так постоянно увеличивается. Уве Хольц подтвердил это развитие на примере Бразилии, и одновременно обратил внимание на то, что рынок для верхних 20% населения Бразилии больше, чем рынок Скандинавии, и поэтому его привлекательность для многонациональных концернов очевидна. (1)

Однако неокOLONиализм обладает еще и так называемой помощью развивающимся странам. Уже сам выбор этого слова характерен: ведь здесь с самого начала предполагается условие, что во всем мире всюду действуют одни и те же нормы. В то время как «процесс европейской модернизации Нового времени это исключительно сложный процесс, который касается всех основ человеческого поведения и исходит из специфических поведенческих предпосылок, которые веками развивались в Европе», другие культурные области (неевропейские цивилизации – прим. перев.) развивались совершенно иначе. (2) Помощь развивающимся странам, в смысле содействия экзотическим местностям в их подъеме до североамериканско-европейского стандарта, не означает ничего, кроме поведенческой манипуляции на всех уровнях, конечной целью которой станет потеря этнической индивидуальности и своеобразия других народов.

Если мы перейдем к деталям, то мы увидим, например, что помощь пищевыми продуктами из США служит в первую очередь для того, чтобы получить от стран-получателей такие вознаграждения, в которых они до сих пор отказывали. Производство сельскохозяйственной продукции местными крестьянами сокращается вследствие постоянных поставок продуктов, и в результате это-

го помощь не в последнюю очередь оказывается именно американскому сельскому хозяйству. Задолженность государств-получателей возрастает все больше, причем гайки закручиваются еще туже и посредством того, что сначала для уплаты помощи принимаются местные валюты, позже, однако, приходится платить только долларами. (3)

Несколько иначе американский неокOLONиализм представляется в Западной Европе. Экономически западноевропейские государства еще процветают, как правило, во всяком случае, большей частью они лежат значительно выше стандарта так называемых развивающихся стран. Влияние американского капитала в западноевропейских народных хозяйствах нельзя не заметить, однако, например, американские методы менеджмента у нас пока едва ли преуспели. Тесное родство между европейцами и белыми американцами привело даже к тому, что американские менеджеры частично очень быстро снова обращаются к европейским нормам. Однако это родство имеет также отрицательный аспект в этом отношении, так как американские элементы языка, культурных проявлений или привычек легче воспринимаются европейцами. Этот выход за пределы определенных воззрений и форм хозяйственной деятельности и более чем реальное притязание на власть международного капитала с его главной конторой в США несут опустошительные последствия для существования человечества. Здесь борются друг с другом уже не народы, из которых при случае один народ потерпит поражение, и на его обломках возникнут новые культуры, но весь мир подчиняется унифицированному влиянию, исчезают национальные культуры и привычки; всюду действует один и тот же стандарт – если даже его и не достигают, то, все же, к нему, по меньшей мере, стремятся или хотя бы почитают – так разрушается приспособленное к среде и традициям поведение, разлагаются обычаи, традиции и религиозные представления.

Это, естественно, касается также экономического поведения, самое позднее тогда, когда собственная экономика полностью попала в струю либеральной экономики. «В действительности опасности отнюдь не исходят от какого-то демона техники, которого вовсе не существует, но они – следствие того употребления, с каким человек пользуется чудесными возможностями природы. Настоящая причина в том, что капитализм вынужден оптимизировать прибавочную стоимость, а не потребительскую стоимость. Если уже предложенные с рынка товары должны иметь потребительскую стоимость, чтобы найти покупателя, то для капиталистической экономики, все же, их самое важное свойство в том, чтобы они были потреблены. Чем более недолговечен продукт, тем он прибыльнее. Много новых изобретений – это не технически новые изобретения, они – только изобретение новой потребительской потребности, или как также говорят: открытие рыночного дефицита. То, что не употребление, а потребление – вот альфа и омега капиталистической эконо-

мики, распространяется не только на сектор собственно производства товаров широкого потребления, это справедливо также для потребления всех видов технического оборудования и машин. Темп технологического развития настолько велик, что все промышленные сооружения считаются уже устаревшими, прежде чем они были сданы в эксплуатацию. Это называют «моральный износ», который гораздо эффективнее и быстрее, чем износ в результате нормального использования. (4)

Теперь все еще есть люди, которые хотят ускользнуть от пагубного влияния западных идеологий посредством того, что они бросаются в руки марксизму. Но марксизм – это только дитя либерализма: Так же, как и либерализм, марксизм тоже исходит из равенства людей; как и при либерализме, утопическое представление марксизма об обществе также немыслимо и невозможно без равенства. Вследствие этого его империалистические стремления и его действия тоже по своему масштабу отличны от действий либерализма, но принципиально они во всем одинаковы. И, как и либерализм, марксизм – это тоже универсальное мировоззрение, он тоже исходит из всемирного человеческого общества и пропагандирует универсальный международный правопорядок. В соответствии с этим СССР так же, как и США выдвигают претензии на вмешательство во всем мире, и приравнивает свои собственные интересы к интересам всего человечества.

В Европе марксистское доминирование осуществляет свой уравниловский колониализм более грубыми методами, чем Запад, во всяком случае, более заметно. Тем, чем МВФ и родственные ему организации в экономическом секторе являются для Запада, является для СССР – в европейском пространстве – Совет экономической взаимопомощи (СЭВ).

После того, как этот Совет был основан в 1949, советское руководство сначала утратило интерес к нему, и между 1950 и 1954 годами вообще никакие сессии Совета не происходили: Причину нужно искать в том, что Сталин полностью управлял Восточной Европой как в военном, так и в политическом отношении. Только после волны смягчения вследствие нового курса Советский Союз столкнулся с необходимостью снова более тесно экономически привязать государства-сателлиты к себе, так как новый курс привел к определенной самостоятельности экономического вида, и возникла опасность, что разрушенные в 1945 году отношения восточно-европейских стран с западом снова будут установлены. С помощью имитации равноправия эти страны можно было опять заполучить для сотрудничества. Хрущёв снова создал доминирование Советского Союза – идеологически, экономически благодаря задолженности меньших стран, в военном отношении из-за их неустойчивого внутреннего положения, через укрепление тайной полиции и т. д. Под фразой «международное социалистическое разделение труда» отдельным стра-

нам навязывалось урегулирование производства, и их побуждали специализироваться на определенных продуктах. Вызванная этим односторонность и несбалансированность внутриэкономического производства в экономическом смысле только обосновывала зависимость государств-сателлитов от Советского Союза.

Однако положение не настолько мрачно, как принято думать. Хотя, пожалуй, только в Западной Европе растущее меньшинство защищается от опеки международного капитала и США, эта оппозиция, однако, «встроена» в международное движение. Самый сенсационный случай сопротивления против американских планов мирового господства и махинаций американской экономики – это Иран. Само собой разумеется, тамошние методы руководства нельзя рекомендовать для Европы; да этого и вовсе не может быть, так как речь идет как раз об Иране, а не о Европе, и все предпосылки там совсем другие, чем здесь. Однако нужно признать, что впервые большая страна осознанно вырвалась из загона восточной и западной сверхдержав и пытается пойти своим собственным путем, не в последнюю очередь также с экономической точки зрения. Только так объяснимо также, почему Соединенные Штаты – и скрытно, естественно, также Советский Союз – преследуют Иран с гораздо большей ненавистью, чем каких-нибудь диктаторов Африки или Южной Америки, которые могут как угодно нарушать права человека, тем не менее, не представляют опасности для экономического империализма США и союзных с ними стран.

Другой, гораздо более непопулярный у нас пример усилий страны по освобождению, хоть и обладающий очень уж несовершенными методами, от удавки международного капитала – это Уганда во времена Иди Амина. Придя к власти, Амин обнаружил, что сельское хозяйство, которое работало в первую очередь на экспорт, производило только товары, которые вообще не были нужны местному населению. При этом доходы от экспорта оставались в основном в руках маленького слоя торговцев, большей частью неугандийского происхождения. Иди сначала перестроил сельское хозяйство на производство пищевых продуктов для собственного населения, затем прогнал из страны индийских торговцев чаем, и смог, все-таки, добиться того успеха, что Уганда в его время стала одним из немногих государств Черной Африки, где каждый местный житель, если он не сидел в тюрьме, мог вечером надеяться на достаточную трапезу. То, что Иди Амин любил бросать своих политических противников крокодилам в озере Виктория, ничего не меняет в этом факте. Однако его экономические мероприятия указывают на то, почему только у него, а не у других, которые пользовались столь же грубыми и жестокими методами, во всем так называемом свободном мире был такой плохой имидж.

Но не только люди, а и природа защищается на длительный срок от такого порядка, который является антинаучным и враждебным к природе. Сначала это проблема перенасыщения, затоваривания рынка. «Если экологическое средство как общественное имущество используется только для единственного использования, то с определенного момента граница мощности этого общественного имущества при возрастающем количестве потребителей будет перейдена, и потребители будут соперничать за использование этого имущества, и ухудшат его качество».(5) Использование окружающей среды как общественного предмета потребления и предъявление требований как места расположения для экономических действий находятся в конкуренции. Существует также конкуренция использования за место расположения, так что здесь проявляются естественные границы, нарушить которые по различным причинам невозможно. Наконец, ограниченность и конечность ресурсов, а также загрязнение окружающей среды ставят пределы экономической активности, росту любой ценой. Разумеется, экономические силы – при условии благоразумного мышления – могут устраиваться внутри этих границ, так что это, в конечном счете, все же снова зависит от человека, сможет ли он защитить свои пространства свободы и вновь обрести утраченные.

На вышесказанное можно возразить, что, мол, хотя всемирно-экономические отношения под либеральным или марксистским знаком имеют, в первую очередь, отрицательные последствия для народов, однако, тем не менее, мировая экономика – и так как каждая экономика требует порядка, то также и порядок всемирной экономики – все-таки возможна как положительное целое. Чтобы обсудить это, мы должны всегда помнить, что каждая экономика зависит от определенных детерминантов.

В первую очередь это естественные факты, такие как климатические предпосылки, структура почвы, наличие полезных ископаемых, естественные транспортные артерии и т. д. Ведь очевидно, что, например, в нижненемецком ландшафте с болотистой почвой в силу необходимости должны были развиваться другие экономические системы, нежели в долине Нила, в Сахаре или в тропических влажных джунглях. Другой детерминант – это технический прогресс, который нужно видеть в тесной связи с образованием и способностью к образованию в пределах экономики. Рабочий может перейти от лопаты к экскаватору, если его уровень образования приспособлен к новой технологии. Но предпосылкой к этому является то, что он вообще соответствующим образом может приспособлять уровень образования. Технический прогресс, прежде всего, в области транспорта и коммуникации, конечно, привел к далеко идущему взаимному оплодотворению различных народов и культурных кругов. Тем не менее, он вовсе не должен в силу необходимости вести к взаимному уравниванию. Решающий вопрос в том, возможно ли, что различные традиции, народные характеры и специфические способности

народов имеют шанс своим способом связать себя с новой, возможно, полученной извне, техникой. Восточные азиаты и европейцы, пожалуй, овладели искусством печати, но никто же не сможет сказать, что из-за этого дошло до нивелирования их культурных проявлений.

В качестве следующего детерминанта нужно назвать идеологию, которая преобладает в определенном экономически релевантном пространстве. То, что возникновение идеологий при определенных обстоятельствах может зависеть от экономических фактов, Маркс отметил очень правильно. Только в той абсолютности и односторонности, как сформулировал это Маркс, он ошибся. Канонический средневековый запрет процентов при всем желании нельзя приписать каким-нибудь экономическим фактам; однако, он со своей стороны повлек за собой – основываясь на христианском вероучении – не заслуживающее недооценки воздействие на экономическое развитие Европы и сосуществование различных народов на этом континенте.

Также другие события, лежащие вне экономики или вне поля деятельности экономики, могут влиять на ее картину. Сюда относятся великие переселения народов древности, так же, как и современное великое переселение народов, а именно проникновение цветных южных народов в Европу из-за господствующих на их родине экономических условий. Хотя эти люди еще не влияют на картину наших народных хозяйств, но это наверняка случится через одно или два поколения, если такое развитие не будет своевременно остановлено. Однако, в центре каждого экономического действия стоит человек: это он – производитель и потребитель, он – рабочий и торговец, он – действующий и реагирующий, активная и пассивная часть в экономике. Картина экономики поэтому, в первую очередь, зависит от человека. Но ведь люди не равны. Они не равны как индивидуумы, в каждой популяции имеются более умные и менее умные, есть сильные и слабые, есть руководящие личности и такие, которые легко подчиняются, есть творческие и только исполняющие люди. Похожим является соотношение между расами, которые возникли в периоды различной продолжительности в различных пространствах, в разных климатических и геологических условиях, при которых действовали очень разные процессы отбора. Поэтому было бы удивительно, если бы результат всюду был бы одинаков. Поэтому средние величины рас и групп рас во всех областях порой демонстрируют весьма глубокие различия. Но если у людей разные задатки, и они по-разному способны действовать в том или ином аспекте хозяйственной деятельности, то в силу необходимости должны возникнуть и различные формы экономики.

Эти детерминанты, которые мы здесь перечислили далеко не все, не являются ни глобальными, ни унифицированными величинами, ни всегда одинаковыми во временной последовательности человеческой истории. Но если эконо-

номика зависит от этих детерминантов, то унифицированную всемирную экономику нельзя себе представить, ни с точки зрения времени, ни с точки зрения пространства.

Как уже упоминалось, часто можно столкнуться с пессимистичной точкой зрения на то, что касается сопротивления этому продолжающемуся теперь уже много десятилетий процессу. Прежде всего, этот пессимизм относится к Западной Европе, где население, как было признано, уже в значительной мере стало жертвой потока «американского образа жизни». Однако мы указали также на то, что сопротивление этому растет. Хотя у этого сопротивления в настоящий момент еще нет большинства. Хотя оно питается из очень различных источников, которые иногда действительно кажутся нам сомнительными по другим причинам. Однако вторичное значение пока имеет то, какими являются первоначальные мотивы для сопротивления американскому доминированию; куда важнее то, что вообще сначала возникают мысли об этом доминировании и его последствиях. Однако с другой стороны, вовсе не необходимо завоевывать на свою сторону большинство. Старый социологический закон скорее свидетельствует о том, что определенные умственные направления – так же, как и течения моды и тому подобное – исходят от ведущих социальных слоев и потом, так сказать, просачиваются вниз в большую массу населения, до тех пор, пока они там не станут популярными. Вследствие этого достойно большого одобрения, что сегодня то, что определенная пресса поверхностно называет «анти-американизмом», распространяется сначала среди так называемых «левых» учителей, социологов и т. д.

Тот факт, что либеральная идеология противоестественна и враждебна жизни, в силу необходимости ведет к тому, что она должна вступить в конфликт с фактами, так как не следует планировать на будущее провалы и ненормальные процессы. Кризис имманентен либеральной системе. То же самое справедливо – эта мысль гораздо популярнее у нас благодаря широко распространенной немарксистской прессе – и для марксизма. Однако эти провалы и кризисы – это дальнейшие союзники для каждого оппозиционера.

К сопротивлению относится также и то, что именно пытаются сделать альтернативой нынешнему состоянию мировой экономики и затронутым этой мировой экономикой народным хозяйствам. Мы хотим проверить, возможно ли разработать такую модель на основе нашего прежнего опыта.

Так как всемирной экономики быть не может, и каждая попытка создать таковую значит только, что определенный порядок будет доминировать над другими и разрушать народы и культуры, сначала было бы необходимо, чтобы ограниченная область, люди которой биологически и культурно тесно родственны друг другу, встала на собственные ноги.

Однако трудности начинается уже тогда, когда мы говорим об объеме ограниченной области. Все, пожалуй, согласились бы с тем, что Федеративная Республика Германия при всем ее экономическом потенциале слишком слаба, чтобы в одиночку выполнить такое задание. Но также и объединенная Германия – ФРГ + ГДР – была бы, пожалуй, слишком слаба для этого. Исходя из нынешнего политического положения, сегодня представляется абсолютно неверным надеяться на скорое объединение этих обоих государств. (Автор ошибся в своих прогнозах – «Берлинская стена» пала через год после выхода книги, еще через год ФРГ и ГДР официально объединились. Правда, освобождения от американского доминирования вследствие объединения не только не последовало, но это доминирование распространилось еще и на бывшую ГДР. – прим. перев.) Все исполненные благих намерений предложения, планы, утопии также не изменят ничего в этом, так как они почти исключительно исходят от людей, у которых нет политической власти и вследствие этого нет никакого влияния на ход событий. Нельзя сказать, что вообще невозможно представить, что однажды возникнет такое стечение обстоятельств, при котором оба упомянутых государства объединятся на нейтральной основе. Но до сих пор, пока эта возможность даже отдаленно еще не появляется на горизонте, бессмысленно беспокоиться о последствиях этой ситуации. Согласно положению вещей, сначала нужно остановиться на Западной Европе, которая должна объединиться и развиться до самостоятельного политического фактора. Нужно признать, что сегодняшние правительства Западной Европы даже намеком не демонстрируют своих намерений двинуться в этом направлении, что почти ни в одной точке этого западного кончика нашего континента нельзя найти людей на ответственных позициях, у которых есть воля снова вернуть Европе ее могущество в мире, то могущество, которое ей подобает. Поэтому задание всех ответственных людей, исходя из таких целей, как те, что разработаны здесь, состоит в том, чтобы сначала позаботиться о внутривнутриполитическом преобразовании отношений.

При условии, что дошло до создания такой дееспособной Европы, следовало бы формировать отношение к восточноевропейскому блоку на двух уровнях. На верхнем уровне происходят естественные дипломатические отношения, причем мы должны не допускать сомнений в том, что к наиболее важным целям этих дипломатических усилий должно относиться избежание открытых вооруженных конфликтов. Тем не менее, на втором уровне Западная Европа должна поддерживать те национальные и социальные движения Восточной Европы, которые хотят дестабилизировать и сменить тамошний режим. В экономико-политическом смысле это значит, само собой разумеется, попытки поддержать противников доминирующего положения восточного блока, Советского Союза, отдавая приоритет ограничительным мерам в торговле с Восточным блоком в определенных важных областях.

Сначала Европа должна была бы «отцепить» себя от доллара, это значит, что она должна рассматривать доллар в качестве такой же иностранной валюты как любой другой, и соответственно с ним обращаться. Однако это возможно только тогда, если иностранные торговые партнеры будут готовы принимать европейскую валюту. Но и это, в свою очередь, возможно только при условии, что Европа будет располагать достаточной экономической силой. На основе качеств европейского человека, находящихся в Европе естественных ресурсов и ее технических стандартов в нынешнее время не может быть никакого сомнения в этом. Однако нужно следить, чтобы это естественное превосходство не ослабло. Само собой разумеется, нужно считаться с тем, что при отказе от доллара как ведущей валюты другая сторона примет свои контрмеры. Следовательно, внутренний порядок Европы должен быть таким, чтобы она в любое время смогла также потребовать определенных лишений у своих жителей. Если население не является способным к этому, или политики считают, что оно не было бы способным к этому, все последующие усилия нужно с самого начала прекратить. Поэтому к первым основным воспитательным принципам европейского государства должно относиться просвещение граждан в том направлении, что нельзя одновременно иметь высокое материальное благосостояние, которым наслаждается в настоящее время Федеративная Республика Германия, и свободную и независимую жизнь в мире.

Пока поддерживают и проводят сильную внешнюю торговлю, в каком-либо пункте снова и снова столкнутся с проблемой ведущей мировой валюты. Если Европа хочет избежать кризисов на международных рынках и быть готовой к кризисам, то она поэтому должна в большей степени обратиться к идее автаркии. Как видно, относительно сельского хозяйства здесь вообще нет никаких проблем. Даже если нашему сельскому хозяйству придется обходиться меньшим количеством химии, что не только желательно, но и необходимо по причинам охраны окружающей среды и человеческого здоровья, производства пищевых продуктов в европейском пространстве все еще хватило бы, чтобы в достаточной степени обеспечить всех живущих здесь людей. Отказ от импорта продуктов гораздо жестче ударил бы, например, по США, для которых Европа – один из их основных покупателей. Таким образом, Европа могла бы частично диктовать свои условия, по крайней мере, для импорта зерна, который, собственно, ей и не нужен. Виды сырья почти всякого рода тоже имеются в наличии в Европе в достаточной мере. Само собой разумеется, мысль автаркии не может привести к тому, чтобы также и в научной сфере отделиться от остального мира. Тем не менее, нужно задуматься над тем, что в правильно понимаемых собственных интересах, также и других государств, научный обмен может как раз всегда быть только обменом, это значит «даю, чтобы и ты мне дал», то есть, он никогда не должен представлять собой улицу с односторонним движением.

Естественно, до полной ликвидации внешней торговли не дойдет никогда. Хотя индустрия всех европейских стран продает преобладающую массу своих продуктов в Европе, однако, остается часть, которая до сих пор экспортировалась за океан и не может найти сбыт в собственной стране. С другой стороны, мы нуждаемся в определенных видах сырья, которые либо имеются в наличии в Европе в недостаточной мере, либо собственные запасы которых мы вынуждены беречь. Чтобы избежать здесь необъятной интеграции и потока международного, преимущественно американского капитала, предлагается заменить принцип многостороннего движения товаров и оборота капитала системой двусторонних соглашений. Если вы сами используете рыночную силу, в чем при объединенной Европе не могло бы быть никаких сомнений, то вы можете тогда также выбирать своих торговых партнеров не только по экономическим, но и по военным и политическим критериям. Естественно, мы должны понимать, что в долгосрочном плане это означает дальнейшее сокращение мировой торговли.

Параллельно к этим мероприятиям должен был бы начаться управляемый и осторожный выход из определенных международных организаций. В экономической области МВФ, Банк международных расчетов, Международный банк реконструкции и развития и т. д. принадлежат к этому первую очередь. Однако это следует предоставить будущему, соответствующим фактам и возможностям в правильно понимаемых собственных интересах, нужно ли вообще проводить такой выход, когда и в каком объеме.

К этому выходу из международных организаций, без сомнения, также относится прекращение – о необходимом темпе пока еще ничего нельзя сказать – помощи развивающимся странам и других платежей и даней. Скорее какие-либо платежи должны будут на долгий срок осуществляться только тогда, если взамен этого можно приобрести также политические или экономические преимущества от другой стороны.

Но последствия такого выхода были бы серьезны. Хотя в его необходимости нет никаких сомнений, ничего нельзя говорить, все же, о его темпе уже по военно-политическим причинам и причинам силовой политики. Решающим будет развитие военной техники в течение следующих лет. Если удастся разработать и усилить оборонительные виды вооружений – причем не только в США, но и именно в Европе – то никакая большая опасность не будет больше угрожать с этой стороны. Естественно, Европа должна пытаться дестабилизировать существующие блоки, с одной стороны, чтобы расширить свою сферу влияния в восточном направлении на лежащие там части Европы, с другой стороны, в интересах своей собственной безопасности.

Более дифференцированно нужно рассматривать развивающиеся страны. Как известно, не существует единого точного определения и стандарта «развивающейся страны», так что здесь в каждом конкретном случае нужно принимать конкретное решение. Тем не менее, для многих государств, которые обобщаются под этим бессмысленным словом, считается, что они перенаселены, что части их населения эмигрировали на север, и что в политическом отношении у них в высшей степени неустойчивые системы. Необходимо, чтобы Европа, если она уже позволила сократить мировую торговлю, сохранила бы все-таки свое влияние здесь, по меньшей мере, политически. И если уж ситуация в этом мире все равно такова, то и тут как раз может использоваться влияние деньгами. Первоначально нашей задачей должно стать укрепление в этих государствах тех сил, которые со своей стороны добиваются большей независимости от сверхдержав и пытаются таким образом прийти к сотрудничеству с нами. Но положение снова представилось бы иначе, если бы мы должны были наблюдать – например, в Южной Азии или Юго-Восточной Азии – образование военного блока, который мог бы однажды обратиться против Европы. Мы, однако, вероятно еще очень далеки от такой ситуации.

Что касается экономических воздействий выхода из мирового рынка для Европы, то плохое тут предполагают только те, кто продолжает верить в миф о благе и обязательности мировой торговли.

Вначале самое важное – обеспечение пищевыми продуктами. Здесь установили уже в 1938/39 годах, что тогдашняя Великая Германия на 84% снабжала сама себя, Старый Рейх, т.е. немецкие провинции без Австрии, на 83%. Среднеевропейский экономический блок, включая Скандинавию, государства Бенилюкса, Юго-Восточную Европу и Прибалтику мог снабжать себя на 90%, вместе с Россией на 96%. (6)

Сегодня мало что изменилось. Уровень самообеспечения Федеративной Республики Германии пищевыми продуктами составлял, например, в 1983 более 90% – если вычесть продукцию животноводства из зарубежных кормов (мы не смогли из доступных нам источников точнее узнать, откуда происходят эти корма), самообеспечение составляет 75%. Настолько же благоприятно выглядит положение для всей Европы, которая относится, как известно, к большим производителям излишков в области сельского хозяйства. То же самое касается и внешней торговли. Примерно 65% как импорта, так и экспорта Федеративной Республики Германии касаются европейских стран. Это при немногих отклонениях справедливо также для других европейских стран, если не считать, вероятно, как особый случай Советский Союз. Торговля с упомянутыми развивающимися странами, напротив, не играет почти вообще никакой роли. Можно вспомнить о Дарендорфе, который однажды

заметил, что если бы все развивающиеся страны однажды ночью утонули в море, уменьшение валовой продукции ведущих индустриальных государств, включая Европу, составило бы всего примерно 1%. Другими словами, в экономическом плане этого исчезновения вообще бы не заметили.

Мы уже указывали на то, что отход к автаркии не означает полного прекращения какой-либо торговли, что скорее умеренный обмен товаров и – частично связанное с ним – научное сотрудничество между различными культурными кругами будет и дальше иметь смысл. Поэтому также не дойдет до стагнации развития, которой, впрочем, в такой форме никогда не было. Даже в то время, когда на всю Европу распространилась парализующая власть церкви, вследствие крестовых походов, внедрения огнестрельного оружия и других новых видов техники всегда был технический прогресс, и впечатление стагнации тех времен следует в первую очередь из того, что новые технологии из-за плохого состояния тогдашней транспортной техники распространялись очень медленно. Но мы не можем забывать, что преобладающее количество научных открытий и технических изобретений происходит из Европы и от европейцев, что как раз Европа была самым большим поставщиком технических нововведений.

Наши предложения, однако, натолкнутся на большое сопротивление тех, которых особенно волнует судьба так называемого «Третьего мира». Тем не менее, у бесспорного бедствия в африканских, азиатских и южноамериканских странах есть причины, которые, конечно, были частично вызваны европейскими влияниями, но которые, с другой стороны, были бы снова устранены широкомасштабным уходом европейцев из этих областей, даже если бы и с большими жертвами. Тут, прежде всего, нужно назвать проблему перенаселенности этих стран. Без сомнения она возникла в самую первую очередь из-за того, что под европейским господством или прочим европейским влиянием естественные факторы регуляции численности населения в этих странах – голод, эпидемии, война – в значительной степени были исключены. Голод во многом был побежден улучшенными методами сельского хозяйства и европейской организацией распределения; европейские врачи и миссионеры заботились об эпидемиях, длительным межплеменным войнам препятствовали колониальные державы. К этому добавлялось разложение местных культур, которые своими обычаями и традициями регулировали население. Из всего этого последовал огромный демографический взрыв, который не ослабел и после независимости этих стран, так как теперь не колониальные администрации, а особенно гуманно настроенные организации и отдельные люди в индустриальных странах заботились о том, чтобы как можно больше выжило людей. Хотя и говорят, что с определенного уровня цивилизации рождаемость начнет падать, и указывают в этой связи на пример Западной Европы. Но в настоящий момент нельзя предвидеть, откуда должен взяться этот

уровень цивилизации, после того, как деколонизированные территории вообще никак не могут сотрудничать со многими европейскими учреждениями, и остаются предоставленными своему упадку. Кроме того, забывают, что также и в Европе после демографического взрыва в конце восемнадцатого и в девятнадцатом веке прошло еще долгое время, пока численность населения снова не стабилизировалась на более высоком уровне. Могло бы быть очевидным, что если действовать так же наобум, как до сих пор, то, по меньшей мере, Африка и Азия однажды вообще больше не смогут прокормить свои массы населения, и тогда поневоле должно усилиться их переселение в северные промышленные страны. **Если эти иммигранты в наших государствах столкнутся тогда с населением, сформировавшимся в духе неправильно понимаемого гуманизма, христианской любви к самому дальнему и эгалитаризма, то крушение Европы как творческого центра мира будет уже не за горами.** [Рекомендация ред. ВС: читайте футуристический роман Жана Распя «Лагерь Святош».]

Вывод ясен: нужно, за определенными, обоснованными не гуманитарными соображениями, исключениями, предоставить эти развивающиеся страны самим себе и смириться с тем, что они из-за голода уменьшат численность своего населения до того уровня, который они могут прокормить самостоятельно. Если разобраться, это даже более гуманно, чем продолжать действовать так, как было до сих пор. Если сегодня спасти десять индийских детей от голодной смерти, то в следующем поколении из этих десяти индийских детей, вероятно, получится больше чем тридцать человек, которые еще могут кормиться за счет Европы, но, возможно, в следующем поколении их будет уже сто, и катастрофа голода, таким образом, увеличится с каждым годом выжидания и станет все более ужасной.

Также часто упоминаемое возражение, что нужно оказывать развивающимся странам активную гуманитарную помощь, чтобы эти страны не попали в сферу влияния Советского Союза, не выдерживает критики. Если не считать Южную Америку как особый случай – там живут все-таки люди большей частью европейского происхождения – то справедливо, что широкие массы населения в Юго-Восточной Азии или в Африке и без того политически ничего не значат, так как там едва ли существует демократия в нашем смысле. Тогда там достаточно поддерживать хорошие отношения с ведущими группами – правительством и оппозицией. Прежде всего, более сильное участие Советского Союза, например, в делах Черной Африки полностью перегрузило бы силы этой страны, которые и без того уже из-за гонки вооружения напряжены до предела. Я введу в игру еще одну мысль: в Европе тоже во все времена были победившие и проигравшие производители. Только первые не могли так легко выбить всех конкурентов с поля игры из-за первоначально очень высоких транспортных расходов. В течение истории сеть путей со-

общения в Европе органически выросла вместе с развитием промышленности. Таким образом, в определенных областях стала возможной естественная защита более слабого производителя. В развивающихся странах развитие транспорта было сильно ускорено влиянием европейцев, так что это представляет сегодня самую современную часть экономики. Это продолжающееся улучшение инфраструктуры не предоставляет естественную защиту более слабому производителю. Из этого получается подавляющее превосходство тех предприятий, которые используют западные методы производства. Последствием является то, что более слабые предприятия останавливают свою работу. Так как другие возможности трудоустройства в деревне имеются только в очень ограниченном объеме – если они вообще есть – то безработные массы тянутся в города, как правило, в напрасной надежде найти там хоть какие-то средства к существованию. Шумахер приводит как пример таких процессов мыловарню в Индии и ее закрытие в результате конкуренции с мыловаренными заводами, работающими по европейским методам. (7)

После того, как на многочисленных примерах было показано, что после независимости разрушается иницируемый европейцами транспорт, и что и более новые транспортные сооружения в большинстве случаев недолговечны – классический пример: дорога Ухуру в Замбии к Индийскому океану – следует предполагать, что при прекращении европейской помощи развивающимся странам естественная защита местных, более слабых производителей благодаря высоким транспортным расходам в относительно короткое время снова урегулируется.

Чтобы взять из изобилия примеров еще третий – по мере того, как европейцы вспомнят о своем собственном сельскохозяйственном производстве и решительно сократят потребление заокеанских деликатесов, ядов похоти и тому подобного, развивающиеся страны снова получают землю, чтобы производить на ней продукты для их собственного потребления. Это, конечно, не повлияет положительно на какие-то торговые балансы, от которых простому крестьянину все равно нет никакого толку, зато поможет продовольственному снабжению собственного населения.

Несмотря на омраченный большой жестокостью и большими бедами для отдельных людей переходный период, широкомасштабный экономический уход европейских держав все равно принесет развивающимся странам больше преимуществ.

Отход в ограниченную область, естественно, предполагает определенный порядок этой ограниченной области, который позволит ей существовать также после широкомасштабного преобразования экономики и торговых потоков и перед лицом мира, который настроен к ней неблагоприятно – впрочем,

он и сегодня, вопреки мировой торговле, также не настроен благожелательно.

Поэтому мы хотим ниже сформулировать несколько принципов, которые должны стать решающими для внутреннего порядка ограниченной области Европы. К ним относятся децентрализация, соотношение планирования и управления, отношение труда и капитала, ограничение подвижности рабочей силы, прежде всего, вопрос отношения экономики и политики.

Это легенда, что в прошедшие времена в политических решениях играли роль только насильственные или нравственно-моральные или также эгоистичные подходы. Если речь шла о владении рудником или гаванью, то тут всегда были замешаны также и экономические мотивы. Но наше время, в котором доминируют либерализм и марксизм, т.е. мировоззрения, которые ставят экономику в центр своих рассматриваний, пришло к тому, что экономические точки зрения заняли в нем едва ли не абсолютно доминирующую роль. С этим принципом сходится понимание государства как носителя снабжения и обеспечения и характеризующее большинство сегодняшних политиков моноказуальное («однопричинное») мышление. Если приоритетным заданием государства является обеспечение и снабжение своих граждан, то оно должно заботиться, прежде всего, о хорошо функционирующей экономике; вследствие этого все решения нужно рассматривать в первую очередь под экономическим углом. То, что у людей есть также другие потребности, для такого мышления так же несущественно, как и тот факт, что все части сфер реальности, в которых движется человек, связаны друг с другом. Связное мышление и моноказуальное мышление – это неустрашимые противоположности.

Если посмотреть на реальность этого связывания, то можно увидеть, тем не менее, также и преобразование экономики только как часть преобразования всех человеческих сфер жизни. Экономический сектор не выглядит изолированным в себе самом. Поэтому также нельзя устанавливать экономико-политические цели, чтобы они при этом не были в органической связи с целями других сфер жизни. Мы производим такую связь, выводя цели для частичных областей из вышестоящих целей. Если мы пытаемся так установить иерархию решений, то мы наталкиваемся, в конце концов, на основные решения, которые не выводятся рационально. Они звучат так: 1. Нужно гарантировать существование человеческого вида; 2. Нужно содействовать физическому и сознательному дальнейшему развитию людей. Мы из этих основных решений выводим общеполитические решения, только из них уже решения для частичных областей, например, также и для экономики.

Из этого настоятельно следует, что общая политика должна иметь приоритет, что экономика – это только вспомогательное средство политики, что она мо-

жет играть только подчиненную роль при рассмотрении того, что необходимо человеку. Поймите нас правильно: само собой разумеется, достаточное снабжение населения должно быть само собой разумеющимся делом для каждого политика. Естественно, стоит стремиться к вещам, которые выходят за рамки снабжения основными продуктами, конечно, в определенном благосостоянии, даже в определенной роскоши нет ничего плохого, оно может даже положительно отражаться, например, на культурной жизни. Однако это никогда не должно быть приоритетом. Государство, которое делает благосостояние своего населения – как сегодня, например, в Федеративной Республике Германии – первостепенной целью своей деятельности, при первой серьезной угрозе для своего существования обречено на гибель, так как за благосостояние ни один человек не готов жертвовать собой. Люди действуют и жертвуют в первую очередь из духовных импульсов, и не стоит вступать в бой ради государства, которое пренебрегает этим основным фактом.

Если мы произнесли слово «децентрализация» в области мировой экономики, то теперь необходимо продолжить разговор о ней и во внутренних рамках. Действительно многие причины говорят в пользу того, чтобы децентрализовать европейское государство и на нижнем уровне также отдельные национальные земли. Это соответствует сущности человека, который предпочитает обозримые, разделенные и структурированные пространства, причем не только в географической, но и в политической области. Это приписывают тому, что человек первоначально якобы возник в области саванн.

В течение последних столетий европейские люди все больше эмансипировались от властей и сохранявшихся по традиции религиозных представлений. Тоскующие по прошлому указывают на то, что крестьянин в 1500 году был куда более образован, чем жители наших стран сегодня, так как он в большей степени жил в согласии со своим окружением и природой. Конечно, это верно, что современные люди сегодня утратили много знаний и умений, и это не только досадно, но даже и опасно при определенных обстоятельствах. Но устранение неграмотности, развитие системы коммуникаций, улучшенное школьное образование при всем том повлекли за собой значительно более высокий уровень общего образования – несмотря на тот факт, что это образование действительно часто проходит односторонне. Поэтому человек оснащен гораздо большим и лучшим снаряжением для преодоления своей окружающей среды и человеческих отношений, чем раньше. Тут, разумеется, многое следует исправить, и нельзя также отрицать, что самые новые средства коммуникации, например, телевидение, в свою очередь ведут к большему духовному обеднению человека. Но в сухом остатке остается, что среднестатистический человек понимает больше и в большем количестве вещей, чем люди прежних времен, и поэтому он также полагает, что сможет также высказываться, например, по политическим или экономическим вопросам.

Это причина тенденции к демократизации во всей Европе, которую снова можно будет повернуть вспять только ценой одурачивания масс. Теперь демократия у нас протекает так, что периодически избирателей зовут на выборы, и они должны там голосовать за вещи, в которых они в их разнообразии никогда не смогут ничего понять, по той простой причине, что никакой народ не состоит только из гениев. Несколько иначе, тем не менее, это происходит в маленьких единицах, например, в деревне или в небольшом городском квартале. Здесь есть вещи, понять которые может, в принципе, отдельный человек, и за которые или против которых он тогда сможет с чистой совестью проголосовать. Такому естественному, подходящему к масштабам человека процессу самоопределения и выражения своей воли противостоят все монументализирующие политические территориальные образования, вроде тех, что возникли в ходе последних территориальных реформ в Западной Германии. То, что здесь подается как следствие демократии, в действительности недемократическое явление в самом глубоком смысле слова.

Однако децентрализация лежит в ходе исторического развития. В 1871 году в Европе было 21 государство, в 1914 году 30, сегодня 34, причем некоторые снова исчезли и поглощены империализмами. В средневековье возникли 27 народных языков с письменностью, в шестнадцатом веке 11, причем два снова исчезли. В девятнадцатом веке 19, сегодня мы насчитываем 60. Германия и Италия, правда, временно ступили на противоположный путь, так как здесь у династий не было национальной основы, однако, сейчас мы видим усиление федерального принципа в Западной Германии и также в Италии протест регионов и подавляемых пограничных народов против центральной власти в Риме. (8) Подобное справедливо и для других романских стран, которые в их истории склоняются к централизму, в то время как североевропейские государства всегда были великодушнее по отношению к их региональным и национальным характерным особенностям, пусть даже здесь отношения между Англией и Ирландией и представляют собой бесславное исключение.

То, что верно для общей политики, верно также для экономической политики. Вот, например, сфера предпринимательства. Здесь приоритет нужно давать по возможности обозримому предприятию, пусть даже это и не во всех случаях возможно. Однако то же самое справедливо и для структурирования региона. Там, где господствуют экономические монокультуры, где концентрируют людей в густонаселенных районах, там нестабильность региона, а также и недовольство живущих в нем людей значительно больше, чем там, где избегают этого ненормального развития. Сегодня у нас в Западной Германии есть устрашающий пример Саара или Рурской области, и мы можем противопоставить им намного здоровее структурированную область в Вюр-

темберге, несмотря на тот факт, что и здесь, конечно, тоже еще многое требует усовершенствования.

Технический прогресс создает все больше предпосылок для эффективной децентрализации, как в региональной, так и в предпринимательской области. Особенно это верно для прогресса в средствах коммуникации. При некоторой доброй воле уже сегодня возможно, что большие предприятия, банки, страховые компании разместят свои центральные офисы в каких-нибудь небольших городах в провинции, так как уже сегодня есть такие технические средства, которые позволяют им в любое время и любым способом общаться с какими-нибудь деловыми партнерами, проводить конференции и т. д. Некоторые из разработок, которые предлагаются нам сегодня, конечно, могут оказаться технологическим тупиком, например, так сильно протезируемый министерством федеральной почты текст на экране – т.н. «видеотекст». В общем и целом можно сказать, и последние годы и десятилетия это подтверждают, что развитие еще далеко не закончено, и мы большими шагами приближаемся к возможности освободить мегаполисы, ограничить массовое передвижение людей с его неблагоприятными сопутствующими явлениями и прийти к балансу между провинцией и густонаселенными районами.

Мы уже указывали на то, что, конечно, есть такие технологии, которые можно реализовать только в сфере крупных предприятий. Но также и в других сферах есть области, в которых неизбежно необходима централизация. Это могло бы быть, например, в экономико-политически особенно важной сфере порядка денежного оборота. Открепление Европы от доллара предполагает, что одновременное существование многих валют в Европе – пусть они каждая по отдельности и обладает respectable положением в мире – упраздняется в пользу единой европейской валюты. Это, в свою очередь, предполагает центральный эмиссионный банк, структура которого может быть в определенной мере федералистская, так же как это распространяется на отношения между федеральным банком и центральными банками земель. Однако, европейский центральный эмиссионный банк снова предполагает определенное ограничение национальных автономий в определенных экономико-политических областях. Например, должен быть создан унифицированный правовой, финансово-политический и статистический базис для всей Европы. Трудности, которые возникают, когда денежная политика и кредитная политика определяется на наднациональном уровне, но фискальная политика определяется нациями, очевидны.

Часто возражают против создания единой европейской валюты, что ее, мол, вовсе невозможно реализовать, так как из-за разной экономической структуры в отдельных европейских областях у этой валюты была бы разная покупательная способность. Это, естественно, не аргумент. Также у доллара в

отдельных регионах Соединенных Штатов есть разная покупательная способность. То же самое справедливо, впрочем, и для намного меньшей территории, например, для Федеративной Республики Германии. Всем известно, что покупательная способность немецкой марки в области Рейна-Майна значительно меньше, чем даже в не очень удаленных от нее курортных местностях на Рёне, не говоря уже о сельских областях.

Акцент на децентрализации при одновременном признании необходимости централизации в определенных секторах, естественно, также означает, что суверенитеты планирования должны быть уравновешены. Эту тему еще нужно обсудить. Так как экономику можно сравнить с живым организмом, ибо она подвержена разнообразным, постоянно меняющимся влияниям и так как вследствие этого также изменяется экономико-политическая необходимость, экономико-политическая модель не может быть статичной моделью. Поэтому размер децентрализации и централизации, регионального и центрального планирования всегда будет обречен на изменения. Люди, действующие в экономико-политической области, должны оставаться гибкими и соответственно уметь приспосабливаться к необходимому. Времена общего мира требуют меньшего централизма, времена войны большего. Чтобы быть готовой к любым возможностям, организация государства должна быть построена так, чтобы быстрые изменения были возможны в любое время.

Проблема мобильности рабочей силы представляется для нас в первую очередь как проблема переселения к нам южных народов. Это затрагивает не только Западную Европу. Также в США направляется постоянный иммиграционный поток мексиканцев и других людей из Центральной и Южной Америки. В Югославии происходит медленная миграция южных народов – македонцев, албанцев – на север. Советский Союз и другие восточноевропейские страны в настоящее время меньше находятся под угрозой этой миграции из-за закрытых границ и ограничительной внутренней политики. Однако во всех средиземноморских странах звучат те же жалобы, что и в Северной Европе. Негры мигрируют в Верхний Египет и в размещенные дальше на север области, египтяне из Верхнего Египта переселяются в Нижний Египет, а из Нижнего Египта – в южную Италию – всегда нужно добавить: тоже в северные области – южные итальянцы, наконец, сами переезжают в Верхнюю (северную) Италию, или в Центральную или Северную Европу. Уже много миллионов людей затронуты этим новым великим переселением народов, значение которого до наших мыслящих только четырехлетними периодами между выборами политиков еще, очевидно, не дошло.

Хотя большинство иммигрирующих в Германию, Францию и другие страны людей – это преимущественно иностранные рабочие (гастарбайтеры), по поводу которых кое-кто еще надеется, что они однажды вернуться домой, растет

число так называемых «беженцев», которые открыто дают понять, что они хотят надолго поселиться в Европе.

Конечно, это верно, что Германия всегда была страной иммиграции. Но если прежние иммигранты – гугеноты, поляки в Рурской области и т. д. – всегда происходили из народов, которые были родственны немцам, и у которых поэтому не было трудности с ассимиляцией в течение немногих поколений, то в случае сегодняшних иммигрантов речь идет о массе людей, происходящих из совсем иных расовых и культурных кругов. Для поворота этого процесса миграции есть ряд хороших причин. Сначала нужно назвать узкие места во внутренней инфраструктуре – квартиры, школы, дороги, энергоснабжение, вывоз мусора и так далее. Во-вторых – и это тем более справедливо, чем более чужды нам эти иммигранты – есть значительные различия в уровне образования между европейцами и пришлым населением; это различие усиливается растущими требованиями процесса производства. Это не значит, чтобы сразу опередить какие-то возмущенные крики, что иммигранты по своей природе глупее европейцев; нет, но просто их умственная структура другая, и они направлены на другие культурные отношения, нежели на ту техническую цивилизацию, которая развилась в Европе. **[Рекомендация ред. ВС: читайте эволюционный анализ Ричарда Линна «Расовые различия в интеллекте», Профит Стайл, 2010]** Но встреча групп разного культурного, этнологического и экономического происхождения всегда может привести к опасному социальному взрыву. Чем больше группа чужаков, тем с большей вероятностью возникают социальные конфликты. Это не происходит просто так, и не имеет ничего общего с нетерпимостью местного населения. Приехавшие люди скорее происходят из групп населения, которые в ходе длительных процессов развития приспособились к условиям среды и разработали соответствующее своим родным отношениям социальное поведение, которое, тем не менее, очень значительно отличается от здешнего поведения. Поэтому интеграция этих групп населения в наше население – даже если бы она была желательна, что вовсе не так – невозможна. Ее можно проводить на длительный срок только при том условии, что мы готовы смириться с созданием населения из лишенных корней метисов на примитивном уровне цивилизации.

Но нельзя забывать, что миграция также вредит и странам происхождения этих людей. В Южной Италии за прошедшие десятилетия пытались поднять экономический уровень путем размещения там предприятий. Разумеется, при этом к вопросу не подходили целенаправленно, совсем не учитывали особые потребности страны, так что в первую очередь там разместились капиталоемкие предприятия с незначительным эффектом занятости. Параллельно с этим происходило увеличение местного населения. Это привело к миграции, как из сел, так и из городов. В 1972/73, во время очень сильной эмиграции в

Германию, половина всех эмигрантов была моложе тридцати лет. Ненормальная структура населения южной Италии последовала за этим. Кроме того, переселяются, как правило, люди с самой сильной инициативой, а слабо мотивированные, слабоуспевающие, недостаточно умные остаются дома. Наряду с этим пример Южной Италии также показывает, что денежные переводы эмигрантов на родину, как правило, не приносят никакой пользы экономике, так как эти деньги в большинстве случаев расходуются для потребительских целей. Похожее наблюдается и в Турции. Уехавшие турки по критериям возраста и школьного образования, как правило, превосходят другие местные рабочие кадры. В течение последних лет происходила определенная реэмиграция. Турецкое правительство должно было бы в связи с этим поставить себе первоочередную цель использовать реэмигрантов в соответствии с их новыми и улучшенными способностями. Однако большинство возвратившихся на родину турок не пошло снова в промышленность, но они стремились стать независимыми, в большинстве случаев, впрочем, в таких ремеслах, которые малопроизводительны и обладают лишь второстепенным значением для последующего экономического развития страны.

Естественно, определенную миграцию рабочих рук невозможно, да и не нужно предотвращать в европейских рамках. Однако при этом нужно подходить избирательно. Переселению неевропейских людей нужно строго препятствовать; исключения могут быть только для тех, которые приезжают сюда учиться или стоят на службе своей родины или местной индустрии. Но также и в пределах Европы миграции должны ограничиваться. В первую очередь важно, чтобы какой-нибудь регион не понес большие демографические потери, чтобы своя культура, свой собственный народ вследствие этого не оказался под угрозой, а с другой стороны, чтобы взамен этого в другом месте не возникли нездоровые густонаселенные районы. Таким образом, использование рабочей силы в областях чужой культуры ограничится в первую очередь людьми, обладающими более высокими позициями в экономике.

Гораздо важнее миграции рабочей силы – миграция капитала. Целенаправленное создание промышленности в основных областях эмиграции при сохранении здоровой структуры должно принадлежать к главным целям европейской экономической политики. Против этого часто возражают, что, мол, нельзя воспрепятствовать в долгосрочном плане тому, чтобы переведенная за границу промышленность не созрела однажды до конкуренции с нами. Но при этом забывают о различии между инвестициями в Европе и за океан. Инвестиции в Италии или в Испании не должны значить для нас ничего другого, как если сегодня северогерманский предприниматель основывает филиалы в Баварии или Вюртемберге.

При вопросе планирования и управления снова и снова исходят из пары противоречий так называемой свободной рыночной экономики и централизованно управляемой экономики. Несмотря на то, что действительность вообще не знает модели планирования в чистой форме, бесспорно, что обе модели – в их нынешней ослабленной форме – ведут к значительному ненормальному развитию. Поэтому повсюду ищут третий путь. Таким третьим путем могла бы стать форма сословного порядка с особенным авторитетом органов самоуправления. Ойкен на основе своих наблюдений полагал, что может подтвердить, что эти органы самоуправления разовьются либо в тесно связанные союзы в монополистическом духе, либо станут исполнительными органами центральных учреждений планирования. При профессионально-сословном порядке у них отсутствовал бы интерес к мерам, противоречащим их собственным интересам или интересам представленных ими членов. (9)

Югославская модель в Западной Германии некоторое время пользовалась большой популярностью среди левых. В Югославии исходили из цели устранить отчужденность рабочих от условий и результатов их работы, как и отчужденность умственных потенциалов работы от самой работы. У общеэкономического планирования есть указательный (общий директивный) характер, указываются лишь общеэкономические показатели, государство оставляет за собой централизованное развитие значительных отраслей экономики и учреждений, развитие инфраструктуры и отсталых областей. Определенные компетенции, например, для необходимого в Югославии валютного режима, передавались в руки республик. Тем не менее, оказалось, что кризисные экономические явления вели ко все большему вмешательству со стороны государства. Отчужденность не была преодолена, ситуация доходила до дисбалансов и кризисов. Политики, основываясь на региональных интересах, могли в выделенных им областях осуществлять бессмысленные проекты, которые были неэффективны. В самоуправляемых предприятиях рабочие выступали за повышение цен своего предприятия, подобные картелям организации и вместе с тем за доминирующие на рынке позиции за счет потребителя. (10)

Не только противникам централизованной экономики, но и противникам третьего пути – у которого есть, как известно, очень много разных моделей – свойственно то, что они отказываются от всякого государственного управления, так как они сторонники той точки зрения, что более или менее идеологически обусловленные решения государства нельзя постичь рационально, и потому эти решения принимают своего рода характер откровения. Критики забывают при этом, что при государственном управлении решающими должны быть не структуры потребления и будущие потребности индивидуумов, а выходящая из общеполитических целей необходимость. Люди могут ошибаться, однако, эти решения являются предметом не массовых голосований,

а делом элит, которым принадлежит экономико-политическая власть, и их необходимость и существование должно подтверждаться нами. Но управление государством, с другой стороны, означает, что оно должно остерегаться всесторонних вмешательств и не размениваться на мелочи. В мирное время у государства есть две основные задачи: 1. Оно должно распускать группы экономической власти и ограничивать их функции в пользу своего собственного суверенитета. 2. Оно должно создавать организующие формы экономики, но предоставлять саму экономическую деятельность гражданам. Создание организующих форм касается таких областей как наука, планирование, образование, внутренняя политика, юстиция, финансы и определяемые внешнеполитическими основными принципами действия, как например национализация предприятий иностранной промышленности и так далее. (11) Такое планирование необходимо, так как саморегулирующийся рынок есть только в ограниченных областях, и ориентированные на прибыль предприятия ввиду недостатка предвидения и заинтересованности, как правило, не могут справиться с задачами будущего (семья, проблемы техники, охрана окружающей среды и т. д.). «Регулирующая сама себя» конкуренция не справится ни со своими собственными предпосылками (исследования, разработки, развитие, профессиональная подготовка), ни с последствиями избытка производства. Также плюралистическое общество в целом недостаточно способно на это из-за разнообразия противоречивых интересов и недостаточного благоразумия и понимания.

В области планирования самого различного вида нужно различать рамочное планирование и региональное планирование. Профессионально-сословные союзы должны быть включены в рамочное планирование, несмотря на критические замечания Ойкена. Например, вполне можно предположить, что автономия планирования профессионально-сословных союзов может быть настолько ограничена и оформлена так, что вредных влияний с этой стороны можно будет избежать. Например, к рамочному планированию относятся внедрение благоприятных кредитов и налоговых льготных условий для желательных производств, контроль определенных отраслей промышленности – вредной для окружающей среды промышленности, банков и т. д. Рамочное планирование может дополняться региональным планированием для менее развитых областей, но также и, в надрегиональном масштабе, через планирование семьи. Так как мы не живем в мире гармоничности, экономико-политическая структура государства должна быть, впрочем, организована таким образом, чтобы в любое время было возможно переключение к большему централизму во времена кризиса.

При обсуждении общественно-политических вопросов нужно вновь и вновь разбираться с утверждаемым или возможным противоречием между трудом и капиталом, причем здесь мы под трудом понимаем любую творческую дея-

тельность человека, но под капиталом, который здесь используется как понятие *pars pro toto*, понимаем владельца капитала. Любой труд используется капиталом как средство к цели. Труд в этом отношении зависим от наличия капитала. Но также и капитал, в свою очередь, зависит от труда, так как он возникает не сам по себе. Такие обороты речи как «капитал работает» или «мои деньги работают на меня» соблазняют к тому, чтобы оставить без внимания роль труда в начале капитала. Капитал всегда создается трудом, и его смысл сохраняется только вследствие того, что труд пользуется им. Мы, таким образом, в отношении труда и капитала имеем дело с полярной структурой.

Но если перенести понятие «капитал», тем не менее, на владельца капитала, и в этом смысле сегодня всегда употребляется эта пара противоречий, то получается, что владельцы капитала, пожалуй, очень сильно зависят от рабочих, но рабочие, тем не менее, очень хорошо могут отказаться от владельцев капитала, которые могут меняться и вполне могут совпадать с работниками, государством или другими общественными учреждениями. Так как труд является творческим элементом, через который только и создается и может действовать капитал, и так как, с другой стороны, вопрос собственности на капитал приобретает второстепенное значение, напрашивается вывод отдать приоритет труду. К тому же результату мы придем, если мы взвесим различные интересы к существованию предприятия. В современном промышленном обществе мы неоднократно имеем дело с собственниками, капитал которых распределен на много предприятий, или их ответственность ограничена с самого начала, что влечет за собой то, что крах предприятия хоть и досаден для них, но необязательно должен привести к ухудшению их уровня жизни. Интересы же рабочего, как правило, идут куда более далеко. В чем более высокой степени его основа жизни зависит от платы за сделанную работу, тем больше он должен быть заинтересован в долговременном существовании предприятия. Также с разных положений интересов приоритет нужно, следовательно, отдать труду.

Эта проблема приоритета касается, по существу, трех областей: управления предприятием, распределения доходов и отношений собственности в имуществе предприятия. Современная ситуация неудовлетворительна. Управление предприятием исходит односторонне со стороны капитала, причем при всех общественных формах. Тот факт, что на больших предприятиях менеджмент на основе своих функций и компетентности заполучил такие властные полномочия, которые первоначально не были предусмотрены в законодательных положениях, далее, тот факт, что на собраниях собственников акционерных компаний завоевали влияние силы, которые не идентичны с собственниками капитала (право голоса банков!), ничего не меняет в этом принципиальном

факте. Нужно найти новые формы управления и распределения доходов и имущества. (12)

Экономически в большой мере отступающая на свою территорию Европа, естественно, не сможет существовать в мире как изолированный остров, но она должна будет поддерживать и развивать разнообразные политические отношения и искать себе союзников.

На переднем плане для многих еще находятся отношения с Советским Союзом и Восточной Европой. Уже намекалось на то, что опасность с Востока сегодня очень сильно преувеличивается. Хотя это бесспорный факт, что Советский Союз по-прежнему действует как империалистическое государство, и что оно заинтересовано, разумеется, в установлении своего контроля над Западной Европой. Тем не менее, объединенная Европа на новой духовной основе также могла бы разработать такие средства, которые могли бы устрашающе воздействовать на возможного агрессора. Тем более что с их помощью можно было бы еще заполучить союзников в других частях мира. С другой стороны, нельзя не учитывать, что Советский Союз и принудительно связанные с ним союзные государства-сателлиты сами очень страдают от больших внутренних трудностей. Усилить эти трудности, путем подрывных акций, определенной экономико-политической стратегией и силой воздействия нового западноевропейского порядка – вот что должно стать одной из главных целей западноевропейской политики. Прежде всего, нужно снова и снова передавать народам Восточной Европы, включая Советский Союз, то чувство, что они – неотъемлемая составная часть Европы, и что они не исключаются из европейского развития.

Многие люди, которые занимаются будущим Европы, рекомендуют Африку как естественное дополняющее пространство нашего континента. Они подразумевают при этом в первую очередь Черную Африку. Это, несомненно, правильно, что эта часть Африки представляет собой экономическое и геополитическое дополнение Европы. С другой стороны, нельзя не понимать, что черные африканцы как союзники Европы могут всегда иметь только второстепенное значение, так как у них абсолютно другой менталитет и способности, которые едва ли соответствуют потребностям развитой нами культурной зоны. Это тем более справедливо, чем больше мы даем возможность африканцам осуществлять их собственные представления о сосуществовании. Во всемирно-политической конкурентной борьбе, которая, конечно, продлится еще очень долгое время – все же переход к согласованному мировому порядку не заметен – Африка всегда образует слабую часть света, за владение которой борются внеафриканские силы. Поэтому европейское влияние в Африке может состоять не в союзе равноправных, а – как бы оно ни было оформлено – во владении Черной Африки Европой.

Иначе дело обстоит с Азией. Если Черная Африка гомогенная уже сама по себе, то это в еще гораздо более сильной мере верно в отношении Азии. Вопреки всей чуждости можно сказать, что азиаты по их менталитету и способностям стоят ближе к европейцам, чем черные африканцы. Также на основе их культурного и цивилизаторского уровня они скорее предопределены к объединению с Европой, по меньшей мере, временному. Длительная вражда может возникнуть только там, где эти страны из-за давления перенаселения вынуждены будут «экспортировать» части своего населения в Европу. Это не касается государств, которые могут стабилизировать миграцию своего населения в определенных терпимых пределах. К ним принадлежат, в первую очередь, Китай и Япония.

Все сильнее на передний план выходят исламские страны. Даже если общее благосостояние этих государств, которые односторонне зависят от экспорта нефти, также может снова ослабеть в ближайшем будущем, и некоторые из знаменитых эмиратов снова опустятся в архаичное состояние, то другие лучше обеспеченные природой страны все-таки будут играть в будущем большую роль на основе динамики снова проснувшегося ислама. Мы связаны с этими странами разнообразными культурными, частично также биологическими связями. Так как они связаны – гораздо больше, чем, например, Черная Африка – с нами также и географически, они в особенной степени подходят нам как союзники. Это особенно верно потому, что оппозиция как против американского, так и против советского империализма там наиболее четко выражена. Эти области также вне Европы должны пользоваться приоритетом, и благодаря инвестициям и помощи следует способствовать их самостоятельному существованию.

При вопросе о возможных союзниках в большинстве случаев полностью остаются без внимания, к сожалению, те страны, которые заселены европейцами, находятся вне европейского пространства. Это американские государства, Австралия и Новая Зеландия, а также Южная Африка. Но союзы с этими странами предполагают, что они отвернутся не только от советского, но и от американского империализма. Это не в последнюю очередь также верно для населения самих США. Если согласиться с точкой зрения, что окружающая среда оказывает на душевную и умственную жизнь человека несравненно меньшее влияние, чем наследование, то нужно поневоле признать, что с исторической точки зрения короткое господство «American Way of Life» оставило у этого населения, при условии интенсивного перевоспитания, только незначительные следы. В то время как, например, в исламских странах растет естественное сопротивление против угроз извне, и оно уже охватило широкие слои населения, то в Америке и в других упомянутых странах существуют лишь совсем маленькие группы, которые в данный момент поднимаются к

сопротивлению. Задачей Европы было бы поддерживать эти группы в их борьбе против господства либеральных сил в их собственных странах.

Итак, отчетливо видно, что Европа ни в коем случае не может быть страной, которая посвятила свою жизнь мирному прозябанию. Скорее, при всем стремлении к предотвращению войн, ее готовность к обороне и хорошее вооружение, но, прежде всего, духовное вооружение – должно быть для нее важнее, чем жизнь в экономической роскоши. Это, в первую очередь, и составляет содержание нашего требования о примате политики над экономикой.

Примечания

1 Uwe Holtz, *Europa und die Multis – Chance für die Dritte Welt?*, Baden-Baden 1978. Уве Хольц. *Европа и мультикультурализм. Шанс для Третьего мира?*, Баден-Баден 1978.

2 Henning Eichberg, „*Entwicklungshilfe*“ – *Verhaltensumformung nach europäischem Modell?*, в: *Zeitschrift für Wirtschafts- und Sozialwissenschaften*, Berlin, 93. Jahrgang, 6. Heft, 1973. Хеннинг Айхберг. «Экономическая помощь развивающимся странам» – трансформация поведения по европейскому образцу?, Журнал экономических и социальных наук, Берлин, 93, №6, 1973.

3 Joseph Collins, Frances Moore Lappe: *Vom Mythos des Hungers – die Entlarvung einer Legende: Niemand muß hungern*, Frankfurt/Main 1978. Йозеф Коллинз, Фрэнсис Мур Лаппе. *Миф о голоде – разоблачение легенды: никто не голодает*. Франкфурт/Майн, 1978.

4 Robert Havemann, *Morgen – die Industriegesellschaft am Scheideweg – Kritik und reale Utopie*, München-Zürich 1980, стр. 33. Роберт Хавеманн, *Завтра – индустриальное общество на распутье. Критика и реальная утопия*. Мюнхен-Цюрих, 1980, стр. 33.

5 Horst Siebert, in: *Umwelt und wirtschaftliche Entwicklung*, Darmstadt 1979. Хорст Зиберт, *Окружающая среда и экономическое развитие*, Дармштадт, 1979.

6 Friedrich Forstmeier, Hans-Erich Volkmann, *Kriegswirtschaft und Rüstung 1939-1945*, Düsseldorf 1977. Фридрих Форстмайер, Ганс-Эрих Фолькманн, *Военная экономика и вооружение 1939-1945*, Дюссельдорф, 1977.

7 E. F. Schumacher, *Es geht auch anders – Jenseits des Wachstums*, München, Wien, Basel 1974. Э. Ф. Шумахер, *Можно по-другому – По ту сторону (экономического) роста*, Мюнхен, Вена, Базель, 1974.

8 Henning Eichberg, *Balkanisierung für Jedermann? – Nation, Identität und Entfremdung in der Industriegesellschaft*, в : *Befreiung*, Zeitschrift für Politik und Wissenschaft, Berliner Institut für Politik und Wissenschaft, Berlin. Nr. 19/20 o. J. Хеннинг Айхберг, *Балканизация для всех? – Нация, идентичность и отчуждение в индустриальном обществе, «Освобождение»*, журнал экономики и науки, Берлин, №19/20

9 Walter Eucken, *Grundsätze der Wirtschaftspolitik*, Hamburg 1962. Вальтер Ойкен, *Основы экономической политики*, Гамбург, 1962.

10 Werner Gumpel, *Sozialistische Wirtschaftssysteme*, München 1983. Вернер Гумпель, *Социалистические экономические системы*, Мюнхен, 1983.

11 Warnfried Dettling, *Die gelenkte Gesellschaft*, München 1976. Варнфрид Деттлинг, *Управляемое общество*, Мюнхен, 1976.

12 Klausdieter Ludwig, *Für eine neue Wirtschaftsordnung*, Hamburg 1979. Клаус-Дитер Людвиг, *За новый экономический порядок*, Гамбург, 1979.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).